

ВВЕДЕНИЕ

*Мы сейчас покидаем наше время.
 Мы сейчас покидаем наше время.
 Есть места, где время идет медленнее, чем здесь.
 Мы ценим четыре направления — четыре стороны света —
 Восток, запад, север и юг.
 И мы также ценим пятое направление.
 Оно вертикальное.
 Оно в нас.
 Сегодня.
 Сейчас.¹*

Роберт Блай, поэт

Шел 139 год до н. э. За два года до этого император У-ди взошел на престол как глава династии Хань. Лю Ань, правитель подвластной императору территории Хуайнань, отправился к императорскому двору с важной миссией. Он взял с собой в путешествие документ широкой энциклопедической направленности, в котором были отражены имевшиеся в то время сведения оккультного, философского, обрядового и административного характера. Полагают, что этот комpendиум стал результатом коллективной работы тысяч ученых и «мастеров эзотерических практик», собранных для этой цели.² Помимо обширных заимствований из существующих текстов, таких как «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы», в нем также присутствовали оригинальные материалы. Предполагается, что этот документ был самым полным изложением философии даосизма той эпохи.

Если в наше время, чтобы выслужиться перед учителем, достаточно каких-то мелких знаков внимания, в древние времена правителям необходимо было предоставить что-то более весомое. Поэтому Лю Ань рассчитывал произвести впечатление на племянника, преподне-

ся ему такой литературный «деликатес», и, возможно, также преследовал цель повлиять на политические взгляды императора. Безусловно, Лю Ань думал об этой последней возможности во время своего путешествия к императорскому двору.

В то время в династии Хань ситуация была непростая. Велись широкие дискуссии о том, провести ли централизацию под властью императора или же предоставить больше автономии правителям отдельных княжеств, которые входили в империю. Понятно, что Лю Ань хотел бы получить больше свободы, чтобы править своим постепенно тающим государством. Небольшой толчок в направлении *У-вэй** и вытекающей отсюда отстраненности верховной власти были бы, без сомнения, на пользу хитроумному Лю Аню.

Тремя десятилетиями ранее отец Лю Аня, приходившийся братом предыдущему владыке (императору Вэню), восстал против старшего брата. Это восстание, мягко говоря, не принесло успеха, и мятежный отец Лю Аня отошел в мир иной по пути в изгнание, заняв свое место среди предков.

Император Вэнь не стал мстить племянникам «за грехи отца» и, разделив государство Хуайнань на три части, передал их в правление оставшимся в живых детям покойного бунтаря. Одна из этих территорий сохранила название Хуайнань и была передана Лю Аню (правителю и подающему надежды автору и редактору, направляющемуся в описываемое время в столицу империи).

Лю Ань рос неглупым молодым человеком и, по всей видимости, усвоил из опыта отца, что открытое восстание – не самый безопасный путь. Вместо этого, он направил свой энтузиазм на более изощренные изыскания и стал человеком большой учености и интеллектуального таланта, а также плодовитым писателем. Главной работой его жизни (как писателя или редактора) стал трактат «*Хуайнань-цзы*»**. Именно этот документ он вез с собой, чтобы представить его императору.

Некоторые видные ученые считают вероятным, что по прибытии к императорскому двору Лю Ань удостоился личной встречи с императором У-ди. Если так и было, то, возможно, что Лю Ань сам прочитал императору последнюю, 21 главу трактата «Краткое заключение о сущем».³

* Даосская концепция «искусства бездействия». – *Прим. переводчика.*

** Есть перевод: «Философы из Хуайнани / Хуайнаньцзы». Пер. Л.Е. Померанцевой – М.: Мысль, 2004.

Если вам когда-либо приходилось нервничать, декламируя поэзию на публике, вы можете себя представить, как себя чувствовал Лю Ань, представляя на суд императора краткое содержание своего компендиума, на составление которого и его запись писцами, по-видимому, потребовались десятилетия. Возможно, у Лю Аня были и дополнительные причины для тревоги, связанные с тем, что дед человека, перед которым он сейчас преклоняет колени, убил его отца. После пышных похвал императору Лю Ань, возможно, начал свою речь так:

Мы создали и собрали эти письма и трактаты,
 чтобы можно было затянуть узлы Пути и его Силу
 И сплести сеть человечества и его дел,
 Вверху исследуя их на Небесах,
 Внизу изучая их на Земле,
 А в середине понимая и осознавая их через связи и повторяющиеся
 [сценарии] ...
 Если бы мы [только] кратко сформулировали сущее или дали краткое
 заключение, и наши слова не провели различия между Чистым [благом]
 и Бесформенным и не выделили Великого предка [вещей], тогда люди
 в смятении и замешательстве не смогли бы их понять.⁴

Лю Ань продолжает свои рассуждения, рассказывая о том, как различать «Чистое [благо] и Бесформенное», информируя императора о том, что первая глава данной работы – «Начало пути» («Об изначальном дао») начинается с того, что шесть координат свернуты и сжаты, а мириады вещей хаотичны и спутаны.⁵ Шесть координат, о которых здесь идет речь, – это Небеса, Земля и четыре стороны света.

Ключом к пониманию порядка, лежащего в основе хаоса бесчисленного множества существ, служат шесть координат (а не только пять элементов). Остальную часть трактата «*Хуайнань-цзы*» можно кратко описать как развертывание этих шести координат и раскрытие их смысла в попытке понять вселенную, как мы ее воспринимаем, и даже влиять на нее в своих целях. Видимо, так Лю Ань поведал, как он надеялся, внимающему императору суть своего замечательного труда, полного мудрости, и, соответственно, причину, заставившую его предпринять такое долгое и опасное путешествие.

Произвели ли эти слова должное впечатление на императора? Ответ на этот вопрос не сохранился в имеющихся источниках или же с течением времени был предан забвению. Известно только, что

этот труд был, как тому следует, помещен в архивы императорской библиотеки. Это было исключительно удачное место хранения трактата, так как именно благодаря ему данный шедевр сохранился до наших дней.

Хотелось бы думать, что после всех трудов и забот этот фолиант не стал просто сборником пыли. Отрадно было бы предположить, что как-то зимним днем, когда его величество не был занят подавлением восстаний княжеств или выполнением ритуалов, приличествующих данному времени года, он заглянул в императорскую библиотеку, чтобы проштудировать работу Лю Аня. Если бы он открыл этот шедевр на первых строфах, то прочитал бы следующие строки, во многом соответствующие тому, что ему сказал Лю Ань во время первой презентации трактата:

Дао покрывает Небо, несет на себе Землю.
Развертывает четыре стороны света ...

Оно

Встанет между Небом и Землей и наполнит все пространство;
Ляжет между четырьмя морями и заполнит всю ширь.
Раздает и не иссякает, нет для него ни утра, ни вечера.
Растянутое – покрывает шесть сторон.^{6*}

Здесь снова говорится о тех же шести координатах. И не просто говорится, а эта мысль, можно сказать, вбивается в монаршую голову. Здесь используется поэтический прием, когда приближенные литераторы-мудрецы Лю Аня многократно обращаются к этим шести координатам, прямо или опосредованно. К шести координатам обращаются не раз и не два, а три раза подряд, чтобы внедрить эту идею в голову читателя. Вначале идет упоминание о Небе, Земле и четырех странах света. Далее следует обращение к Небу, Земле и четырем морям. И, наконец, чтобы не осталось ни малейшего сомнения в первостепенной важности этой темы, о «шести координатах» сказано непосредственно.

С самого начала трактат *«Хуайнань-цзы»* проводит всеобъемлющее разделение реальности не на пять элементов, а, скорее, по шести координатам или направлениям. Пять из этих координат представлены элементами, а шестое направление – Небеса – остается непредставленным.

* Перевод цит. по «Философы из Хуайнани / Хуайнаньцзы». Пер. Л.Е. Померанцевой – М.: Мысль, 2004.

Трактат *«Хуайнань-цзы»*, подчеркивающий наличие шести координат, является кульминацией воззрений ранней эпохи Хань и доханьского периода. По иронии судьбы, в это время учение даосизма, которое вдохновило данную работу, отходило на задний план по своему политическому влиянию. В 122 г. до н. э. Лю Ань получил приказ прибыть к императорскому двору для рассмотрения выдвигавшихся против него тяжких обвинений. По-видимому, он стал использовать собственные знаки императорской власти, и император счел это предвестником восстания.

За 17 лет до этого Лю Ань отправился к императорскому двору с трактатом *«Хуайнань-цзы»* и питал большие надежды на то, что его великий труд приобретет значительное влияние. Можно легко представить себе, что во время того долгого путешествия, предпринятого с целью увидеть императора, он вез с собой совокупность знаний и представлений, накопленных мыслителями на протяжении веков, не только вооруженный целью приобрести политические преимущества, но также с желанием сохранить коллективную мудрость той эпохи.

Не желая возвращаться к императорскому двору при таких менее благоприятных обстоятельствах, Лю Ань предпочел покончить с собой. Основная часть трудов Лю Аня была в последующем конфискована чиновниками императора. Вскоре после этого, примерно на рубеже I века до н. э., император У-ди под влиянием своего министра Дун Чжун-шу полностью отказался от даосизма и принял в качестве официальной доктрины переработанное учение Конфуция. Синолог Роберт Йейтс пишет, что «к третьему и четвертому веку нашей эры учение даосизма было фактически забыто и его традиция прервалась навсегда, перестав в дальнейшем оказывать влияние на политическую жизнь, а также социальную и культурную политику китайских властей».⁷

Координаты, о которых говорил Лю Ань, были известны задолго до того, как сам Лю Ань и группа его соавторов решили поставить их в центр ранней ханьской космологии. Эти понятия уходят корнями в далекое и туманное прошлое. Так же, как шесть координат появляются в первых строфах *«Хуайнань-цзы»*, они появляются и в начальных параграфах старейшей из существующих книг по древнейшей истории Китая *«Книге документов»*, относящейся к VI веку до н. э. Здесь текст утверждает, что влияние легендарного императора Яо «ощущалось в четырех четвертях (земли) и простиралось до (неба) наверху и (земли) внизу».⁸ Помимо описания структуры с шестью координатами, в этой древней работе также упомянуты шесть

элементов: «Есть Вода, Огонь, Металл, Дерево, Почва и Зерно. Их необходимо соответственно упорядочивать».⁹

Философ А.Г. Грэм утверждает, что, возможно, эти координаты фактически являлись предшественниками самих элементов.¹⁰ Так что же случилось с шестой координатой, когда эти направления трансформировались в пять элементов, на которые мы так часто ссылаемся в наши дни?

На первый взгляд может показаться очевидным, что ко времени появления первой из самых известных работ по акупунктуре, которая дошла до наших дней, «*Хуан-ди нэй цзин су вэнь*»* (примерно II век до н. э.), шестой элемент, который должен был оказаться на шестой координате (Небо), был либо забыт, либо, по крайней мере, перешел на нелегальное положение. В данной работе мы покажем, что этот шестой элемент, на самом деле, никогда не исчезал. Временами в ханьских текстах встречаются однозначные ссылки на него. В других случаях несообразное замалчивание шестого элемента и соответствующих ему меридианов и органов свидетельствует громче, чем любые утверждения об обратном.

В последующих главах мы рассмотрим природу шестой координаты, соответствующие ей органы и *de facto* соответствующий ей элемент. Для этого нам необходимо будет совершить путешествие в отдаленное прошлое, задолго до того, как Китай стал единым государством.

Погрузившись в древние сплетения ранних китайских классиков, мы постараемся логически последовательно воссоздать происхождение самого таинственного из органов, являющегося предметом полемики, – Перикарда. Перикард был предметом споров и раздоров между врачами и толкователями с момента признания его существования в эпоху Хань. Ни один другой орган не вызывал столько недопонимания и не был предметом таких горячих дебатов. Временами этот загадочный орган вообще не упоминался, временами говорилось, что он существует, не существуя в реальности. Когда же его шаткая основа была все же установлена, в некоторых текстах ему было отказано в элементе. В других текстах было заявлено, что он является разновидностью Огня. В структуре, основанной на меридианах/органах/элементах, у каждого меридиана имеется соответствующий орган, а у каждой пары органов – соответствующий элемент. Чтобы понять шестой элемент, крайне важно разобраться, как происходила эволюция Перикарда.

* «Трактат Желтого императора о внутреннем. Вопросы о простейшем».

Во многом, эту книгу можно считать биографией восхождения «из грязи в князи» этого загадочного органа после его превращения из одинокого бродяги в достойные члены избранного братства органов. В конечном итоге, раскрытие природы Перикарда прольет свет на его трудноуловимый элемент.

Мы намереемся продемонстрировать, что доктора в древнюю эпоху Хань не только в теории зарезервировали место для запретного для упоминания шестого элемента, но также и то, что он играл важную роль в клинической практике в эпоху Хань.

В первой главе («Необычайная история с пропавшим меридианом») мы исследуем таинственное отсутствие меридиана Перикарда в самом раннем из текстов, где упоминаются эти энергетические линии, основополагающие для клинической практики акупунктуры. Обсуждаемый трактат относится к мавандуйским текстам, и полагают, что он появился примерно за 300 лет до н. э.¹¹

Во второй главе («Слона-то я и не приметил») мы продолжаем путешествие по оси времени (около 150 лет до н. э.) в эпоху ранней династии Хань, когда меридиан Перикарда внезапно появляется на сцене. Но даже тогда по какой-то причине практикующие врачи того раннего периода, мягко говоря, неохотно шли на то, чтобы признать его существование как органа.

В следующей главе («Хуан-ди и Комната божественных орхидей») мы слышим разговор между Желтым императором и дерзким Ци Бо, который был вынужден раскрыть небольшой секрет в результате коварной провокации его собеседника. Но как только эта жизненно важная информация была выведена императором, ее сразу же скрыли, так чтобы она могла раскрываться только немногим избранным.

В четвертой главе («Трактат "Наньцзин" и ошеломительный г-н Пин») мы пробираемся в сумерках династии Хань (около 150 г. н. э.) и подходим к моменту первостепенной важности, когда Перикарду наконец воздали должное и стали трактовать его как орган. Теперь у нас возникает догадка, почему авторы мавандуйских текстов умолчали о меридиане Перикарда. Ведь благодаря включению этого таинственного меридиана в трактате «*Су вэнь*» осталась широко открытой дверь для новых возможностей в структуре Меридиан/Орган/Элемент ... или почти открытой. Хотя меридиан Перикарда и даже его верный орган переступили порог и вышли на дневной свет, консервативные силы все же не были готовы принять существование шестого элемента и открыть ему врата. Возможно, это было умышленное запутывание вопроса, когда в древности, за счет ловкости рук,

Перикард был задвинут в существующий элемент Огонь, у которого уже была пара собственных органов.

В пятой главе («Освобождение») мы путешествуем по VIII веку и династии Тан, когда Ван Бин – интеллектуальный лидер династии берет на себя выдающийся тяжелый труд по редактированию и спасению трактата «*Суэнь*», который в тот период находился в весьма плохом состоянии. По-видимому, Ван Бин был феноменальным редактором, так как ему удалось увеличить размер первоначального манускрипта на 50%!¹² В этом новом разделе Ван Бин доводит до крайности ситуацию с таинственным Перикардом (впервые встречающимся в мавандуйских текстах), без обиняков заявляя, что Огонь можно разделить на два отдельных элемента, так что всего их будет шесть. Таким образом, получается, что Перикарду и Тройному обогревателю назначается свой собственный элемент.

В шестой главе («Звуки безмолвия») мы изучаем мотивы преступления, состоящего в умолчании, которое простерлось на века.

В седьмой главе мы рассматриваем, как шестой элемент, представляющий собой пространство, которое охватывает остальные элементы, создавал подобное же затруднение для индийских и греческих философов.

И, наконец, мы совершаем захватывающее возвращение к трактату «*Суэнь*» и обнаруживаем, что данная модель была скрытно привнесена в первый великий текст по акупунктуре – как скрытая альтернатива к получившим большую известность циклам порождения и угнетения. Может показаться, что эта древняя модель, которой удалось сохранить Инь и Ян как движущую силу взаимодействия между элементами, была потеряна во мгле веков философско-медицинской системы древнего Китая, но, как мы увидим, эта система все время была на месте.

Высшей целью данного погружения в прошлое Китая было не столько ввести новые концептуальные основы, а, скорее, возобновить клиническое применение, вытекающее из него. Клиническое применение модели из шести элементов – тема третьей части книги.